

ПРОЛОГ

В мире есть множество вещей, которые кажутся сложными, непостижимыми.

К примеру, что скрывается за горизонтом событий черной дыры? Есть ли душа? Есть ли Бог? Как устроена Аномальная Зона? Вопросы, на которые едва ли можно найти ответы.

Но есть в мире и вещи предельно простые, объяснять которые никому не надо — все и так понятно.

Боль. Страх. Голод.

И когда тебе в голову направлен ствол пистолета, а ты стоишь на коленях со связанными за спиной руками, — все тоже предельно понятно.

В комнате было темно. Пахло сыростью, плесенью. Под самой крышей ворковали голуби, иногда шумно били крыльями, стряхивая пыль и помет на головы стоящим внизу людям.

— Если хочешь, чтобы твоя смерть была легкой, назови координаты, — произнес человек с грубым, угловатым, походившим на морду вырубленного из камня идола, напряженным лицом. Глаза его напоминали стекляшки у куклы. В них не было ни злобы, ни ярости. Ничего. Пустота, от которой становилось еще страшнее. Вот и за горизонтом событий черной дыры, наверное, такая же пустота.

— Если хочешь, чтобы твоя смерть была легкой, назови координаты, — словно мантру повторил человек с «макарычем» в руке. И та же пустота, что и в глазах, — в пистолетном дуле. — Ведь это же так просто: надо всего лишь назвать цифры. Сущий пустяк. Ну? — Оружие больно ткнулось прямо в лоб пленника. Бандит с нажимом произнес: — Говори.

Посеревшие губы Тихого раскрылись. В звенящей тишине раздалось:

— Иди к черту!

Это был верный ответ. Парень не соврал, потому как то, что искал похититель, и в самом деле было у черта на рогах — в таких местах, откуда нет пути назад. Так что фраза «Иди к черту!» была абсолютно честной.

Только вот бандит расценил ее совсем иначе.

И влепил пленнику звонкую пощечину.

Тихий упал на пол. Подняться со связанными руками было сложно. Да и сил совсем не осталось.

Но его сграбастали с пола и вновь заставили встать на колени — уже в который раз? Обидно было только за одно: замучают до смерти, а ответить нельзя, и даже слюны во рту не осталось, чтобы плюнуть в их наглые рожи.

Человек со страшными глазами обошел жертву, внимательно рассмотрел, будто видел впервые. Прошептал:

— Не дури. Сам же понимаешь, что мы все равно туда попадем — с твоей помощью или без.

— Удачи! — сквозь боль ухмыльнулся Тихий.

Бандит тяжело вздохнул.

— Тогда закончишь, как твой дружок. — Он кивнул на тело, лежащее рядом.

Это был напарник Тихого, Гриф. Мертвый он был такой маленький и жалкий...

— Посмотри-посмотри, — настаивал стеклоглазый. — Может, образумишься.

Тихий глянул на товарища. Сложно было представить, что это Гриф, тот самый гигант Гриф, который бесстрашно дрался один против пятерых. Теперь, свернувшись от ударов тяжелых ботинок в живот и рокового выстрела в голову, он словно уменьшился в размерах.

Парень достойно держался до последнего. И уже умирая, все шептал: «Не говори! Не говори им! Тихий, молчи!»

И тот молчал.

— Ты глупец, — произнес убийца. — А значит, смерть твоя будет долгой и мучительной.

— Я не боюсь умирать, — прошептал в ответ Тихий.

И вдруг рассмеялся. Громко, пронзительно.

Голуби вспорхнули с насиженных мест, забили крыльями под крышей.

Такая реакция пленника смутила похитителя. Он вопросительно глянул на стоящего на коленях парня. Потом напряженное лицо расслабилось, на обветренных треснувших губах появилось кривое подобие улыбки. Бандит закивал головой.

— Посмейся. В последний раз ржешь. Если не боишься смерти, значит, будешь бояться жизни.

Эта странная фраза насторожила Тихого. Квадратная морда похитителя выдавала в нем человека, едва ли способного на какие-то философские размышления.

— Сколопендра! — обратился бандит к своему напарнику, который издали и вправду походил на насекомое — длинный, мерзкий, с рыжими усиками. — Заведи подругу товарища.

Тихий переменялся в лице. Былая уверенность дрогнула, в глазах возник немой вопрос, потом — настороженность.

В комнату ввели девушку, молодую, не старше восемнадцати. Она билась, тщетно пытаясь вырваться из цепких рук.

— Нет! — прошептал Тихий. И закричал: — Она тут ни при чем! Отпустите ее! Она ни при чем!

— Ага, по-другому заговорил! — ухмыльнулся стеклоглазый, видя реакцию заложника. — Так бы сразу!

— Отпустите ее! — сквозь зубы прошипел Тихий.

И рванулся прямо на противника.

Но не смог ничего сделать. Связанные руки, будь они неладны! Да и охранники не спали. Крепкий тупой удар в живот — и Тихий со стоном распластался на полу. Мутные глаза Грифа, напротив которого он упал, молчаливым укором уставились на него. Захотелось заорать — во всю мощь, сдирая горло в кровь. Но не получилось — не хватило дыхания.

— Отпустите... ее... — выдохнул Тихий сквозь боль.

Девушка, услышав знакомый голос, снова попыталась вырваться. Но и ее руки были крепко связаны веревкой, а рот заткнут кляпом.

— Ну так что? — спросил стеклоглазый, сев рядом с Тихим на корточки. — Скажешь координаты?

— Нет, — выдохнул тот. И поспешно добавил: — Не скажу — потому что не знаю.

— Ну что же ты за глупый человек! — сокрушенно произнес бандит. — Неужели не понимаешь, что мы ее сейчас...

— Не знаю, но могу показать, — сквозь зубы процедил пленник.

Такой ответ смутил стеклоглазого.

— Показать? — Он задумался. Потом, переменяв-
шись в лице, сказал: — Хорошо. Покажешь. Так даже
лучше будет. — А потом кивнул своим бойцам: — Соби-
райтесь! Мы отправляемся в Зону!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 РЕЙД

Судьба — это не результат случайных обстоятельств, а результат выбора; ее надо не ждать, а создавать.

Уильям Брайан

За пять дней до этого

— Опять? — Знакомые укоризненные нотки в голосе. Сколько раз Тихий слышал их? Особенно когда собирался в рейд. Не счесть.

— Да, опять, — буркнул он себе под нос, натягивая носки. И добавил тоном, не терпящим споров: — Так надо.

Но понял, что без серьезного разговора не обойтись. Снова эта пустая ругань, которая все равно ни к чему не приведет — он не откажется от рейда, она не поймет и будет долго обижаться.

— Надо ему, — всхлипнула Дарья. — Ему надо, а мне что? Опять ночи не спать? Опять думать, что там с тобой? Не убили ли тебя?

— Никто меня там не убьет.

— Ага, как же! Знаю я. Не надо мне старую пластинку заводить, что в Зоне безопасно. Не безопасно! И аномалии эти, и монстры.

— Не монстры, — шепнул Тихий, затягивая шнурок под завязку набитого рюкзака. — Мутанты.

— Да какая разница?! — взорвалась девушка, но тут же подошла к нему, умоляюще прошептала: — Ну хоть телефон возьми. Черкнешь раз в день, что все нормально, и мне спокойней будет.

— Не могу, Даш, сама же знаешь — по биллингу найдут ведь сразу.

— А компьютер твой не найдут? — злобно спросила девушка. — Он ведь тоже как сотка устроен — по нему звонить можно.

— Там ломаный софт — не найдут. В периметре Зоны можно общаться. Все, что за периметр пойдет, любой сигнал, — сразу вычислят. И напрямик к тебе домой и придут. Проникновение на Зону — это статья. Уголовная.

Даша ничего не ответила, лишь устало махнула рукой: мол, делай как знаешь.

Тихий накинул на плечи рюкзак и у лишь самого порога сказал:

— Через два дня вернусь.

Соврал. Ни через два дня, ни через неделю домой он не вернулся.

* * *

Содержимое рюкзака: еду, водку, курево, деньги — нужно было занести Кузьмичу — как плату за проход. Таков закон. И нарушить его никто не осмеливался.

Накануне Тихий забежал в знакомый магазинчик — тесный, неудобный, но безопасный. Там и отоварился без лишних вопросов.

Кузьмич сильно рисковал, пропуская чужих за периметр, поэтому большую часть денег отдавал военным. Сам же довольствовался малым.

— Доброго утречка! — привычно прошамкал беззубым ртом старик, глядя, как Тихий выходит к нему из кустов.

Сутулый, худой как жердь, с дынеобразной лысоватой головой, Кузьмич смотрел на гостя и добро улыбался.

— И тебе не хворать, Кузьмич! — ответил парень, подходя ближе. — Как дела?

Собачонка, привязанная у калитки, залилась писклявым лаем.

— Греда, мать-перемать! Фу! Я сказал: фу! У-у, псина! — Старик погрозил ей кулаком.

Собака виновато поджала хвост, гремя цепью, спряталась в будке.

Кузьмич повернулся к гостю, ответил:

— Да какие дела? Дела у прокурора. У нас так, де-лишки.

И так крепко пожал руку Тихого, что у сталкера захрустели суставы.

Постояли, помолчали.

— Держи, гостинцев тебе принес.

Тихий протянул рюкзак.

— Гостинцы? Это хорошо. Благодарствую.

Старик привычным жестом забрал ношу, даже не проверяя ее содержимое: доверял. Да и кто рискнет обманывать Кузьмича? Беду накличешь. Это тоже старая примета.

— А ты к Матушке собрался в гости?

Кузьмич Зону только так называл — Матушка. Никак иначе. Казенно-уголовное слово «зона» резало слух

когда-то оттоптавшему пятнашку строгача за дела давно минувших дней старику. Тихий пытался как-то осторожно выяснить, за что Кузьмичу такой срок впаяли, но тот лишь сухо отвечал: «За диссидентство», — и быстро переключался на другие темы.

— К ней самой, — ответил гость.

Говорить, по какому поводу идут в Зону, тоже считалось среди сталкеров плохой приметой, поэтому Кузьмич не стал уточнять цель визита. Лишь кивнул:

— И то хорошо, что ноги в порядке и есть куда ходить. Важна ведь не цель — путь к ней.

— Верно, — кивнул Тихий, особо не вдаваясь в философию старика.

Постояли немного на прохладном утреннем ветерке. Кузьмич достал было сигарету, да спохватился:

— Чайку хлебнешь?

— Нет, благодарю. Спешу.

— Ну тогда давай, не стану задерживать.

Старик махнул рукой, приглашая войти в дом. Тихий пошел.

Внутри пахло кислой капустой и табаком. Спартанское убранство говорило о том, что хозяин живет один. Насколько помнил Тихий, жена Кузьмича умерла давно, лет десять назад, с тех пор он один тут и обитал. Хотя один — это не совсем верно. Каждую неделю, а то и чаще, к нему навевались такие же, как Тихий, гости. Нелегальные сталкеры давно пронюхали один секрет, который имелся у старика. С помощью этого секрета можно было попасть в Зону, минуя все кордоны и КПП, без шума и пыли.

А старик и не против пропустить. И брал недорого — продуктами. А все деньги относил местному подполков-

нику — чтобы тот о его домике, стоящем на самой границе Зоны, не вспоминал. И все довольны.

— На днях кипение было, — прошептал Кузьмич, кивая на пол.

— Кипение? — переспросил Тихий, не понимая, о чем старик ему толкует.

— Ага. Я заглянул — а «бульон» кипит. Такая рябь и пузырьки по поверхности. Верно, черти огня дали во всю мощь, вот и кипит «бульон». И сияние. Красное. Давно такого не было — я по календарю сверялся.

Тихий лишь кивнул — сказать что-либо по этому поводу он не решился.

— Это какой-то знак. Но расшифровать не могу, — загадочно продолжил Кузьмич. Он, хоть и имел пять классов образования, любил науку и пытался во всем выискать закономерности. — Я проверял — ровно три года и семь месяцев назад было такое же кипение. Только там зеленоватый отблеск был. А тут красное кипение, — пробормотал дед и многозначительно протянул: — М-да, дела.

«Не свариться бы», — только и подумал Тихий, наблюдая, как старик, кряхтя, становится на колени и подслеповато рыщет по деревянному полу руками.

Предлагать помощь было бессмысленно и даже опасно — это Тихий знал. Кузьмич мог прогнать гостя и потом на порог вовсе не пускать. Не любил дед, когда ему предлагали помощь, считал себя не настолько старым.

«Помогают только больным и инвалидам, — всегда говорил он. — А я не больной и не инвалид. Еще тебя на лопатки положить смогу, если сойдемся в рукопашной».

Верилось в это легко, силой старик обладал невероятной. Наверное, сама Зона подпитывала его.

Наконец Кузьмич нашел что искал. Зацепив заскорузлыми ногтями небольшой выступ, старик поднял крышку подпола и открыл лаз.

— Ну вот. — И, довольный собой, махнул Тихому: — Полезай.

Парень нагнулся, стукнулся лбом о край узкого проема, вляпался в паутину. Было слишком тесно, но приходилось терпеть. Пыхтя, полез вниз.

Когда-то этот лаз вел в погреб, где Кузьмич хранил соления, картошку, самогон. А потом, в один из дней, что-то произошло, какой-то выплеск, который превратил подпол в неучтенный проход в Зону. Дивные дела порой творятся. И ведь вышло как удачно — не под скалой образовался лаз, не в границах какого-нибудь военного участка, а тут, в доме Кузьмича.

Интересно, кто первый догадался в этот «бульон» прыгнуть, чтобы понять, что он в Зону ведет?

Тихий очутился под домом. Именно здесь располагался тот самый загадочный портал, о котором говорил Кузьмич.

Подпол оказался на удивление высоким — здесь можно было стоять в полный рост.

— Ну все, бывай, — произнес сверху хозяин и закрыл люк.

Неприятный холодок страха облизал спину. «Словно крышку гроба захлопнули», — подумал Тихий.

Некоторое время пришлось постоять, подождать, когда глаза привыкнут к мраку. Сталкер замер, слушая, как старик, кряхтя и о чем-то разговаривая сам с собой, ходит там, наверху, гремит, разбирая рюкзак.

Минут через пять (а по ощущениям прошло не менее часа) во тьме стали вычерчиваться силуэты. Так, вот